

КОНТРРАЗВЕДКА. РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Девятый круг / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с. — (Контрразведка. Романы
о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-180096-3

Начало восьмидесятых. На подмосковной даче оперативники задерживают ведущего конструктора секретного НИИ. В течение долгого времени он тайно передавал западным спецслужбам данные о наших стратегических разработках. На допросе выяснилось, что задержанный — лишь одно из звеньев сложной шпионской цепи. Основной же фигурант под псевдонимом Звонарь работает на головном предприятии в Сибири... Опергруппа КГБ во главе с майором Михаилом Кольцовым срочно выезжает на место. И сразу же сталкивается с убийством. При невыясненных обстоятельствах погибает замдиректора того самого сибирского предприятия. Кольцов уверен: Звонарь почувствовал опасность, и эта смерть — начало его агонии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180096-3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лопата вонзилась в удобренную почву, вывернула пласт. Копатель крикнул, разбил комки. Земля уже оттаяла, поддавалась легко. Садовод со знанием дела формировал грядку под будущий огуречник. Суббота выдалась безупречной, дул освежающий ветерок, по небу плыли облака, похожие на вату.

Дачник отставил лопату, передохнул. Еще несколько рядов, и можно ставить самодельный парник. Ему было за пятьдесят, смотрелся он моложаво, даже спортивно. Ростом выше среднего, скуласт, гладко выбрит. Под короткими рукавами полосатой футболки перекатывались крепкие мышцы.

Он украдкой посмотрел по сторонам. Было с утра безотчетное беспокойство, к полудню оно развеялось, но осадок остался.

Все было штатно, даже более чем. Над подмосковным дачным кооперативом раскинулось мирное небо — сегодня как раз очередная его годовщина. Ровно 36 лет назад в пригороде

Берлина был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Страна праздновала, кто-то остался в городе, другие по заведенной традиции устремились на дачи. Сам он прибыл сюда час назад, остальные тоже подтягивались — одни на личном транспорте, другие пешком с электрички. Первое время из динамика над садовым управлением звучали бодрые марши, «День Победы» в исполнении Льва Лещенко, потом все стихло.

Дача была компактной, пряталась за ветвями рябин. Шесть соток — вот и все поместье. У крыльца стоял бежевый ВАЗ-2101. Кузов поблескивал свежей краской. За личным транспортом владелец следил: первым делом, добравшись до дачи, помыл машину.

Он снова взялся за лопату. Безотчетное беспокойство возвращалось, портило такой приятный день.

На другой стороне дороги дачники завели пластинку. Поскрипывала игла. «Лишь позавчера нас судьба свела...» — затянул солист ансамбля «Лейся, песня» под управлением некоего Михаила Шуфутинского.

— Бог в помощь, Арнольд Георгиевич, — донеслось с соседнего участка.

Мужчина вздрогнул, но вида не подал. Из дома вышла крепкая в кости соседка в халате и соломенной шляпе, пристроила на свободном от сорняков пространстве громоздкий шезлонг.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Бога нет, Анна Филипповна, — дружелюбно улыбнулся сосед, — что убедительно доказано советской наукой. Но все равно — здравствуйте. С праздником.

— И вас, Арнольд Георгиевич. — Соседка взгромодила на шезлонг свои пышные телеса. — Не заметила, как вы приехали. Вздремнула грешным делом — неделя выдалась трудной. Проверки одна за другой, представляете? ОБХСС, народный контроль, кто-то еще, даже не помню... Жорик с вечера привез меня сюда, а сам умчался обратно в город — держать оборону.

— Держитесь, Анна Филипповн, надо выстоять, — сосед иронично улыбнулся.

— Продержимся. — Соседка подавила зеवоту. — Наша база — передовая в районе, победитель социалистического соревнования. Мы честны перед законом и этим гордимся. А недобросовестные конкуренты, извините уж, они везде... На парад ходили, Арнольд Георгиевич?

— Что вы, Анна Филипповна, пробиться на Красную площадь в такой день — как к рейхстагу в 45-м. Посмотрел по телику, собрался — и сюда. Мои в городе остались: теща, Людмила Олеговна, обещала заехать.

— Ну, конечно, — соседка прыснула, — сразу образуется масса неотложных дел. Радость какая, Арнольд Георгиевич, прошу простить за язвительный тон. Это так знакомо. Матушка Жорика тоже не подарок. Предвосхищаю, кстати, ваше

недовольство. Жорик приедет и скосит эти одуванчики, на которые вы так недобро смотрите. Ума не приложу, почему они так быстро растут.

— А самой, значит, вера не позволяет, — пробормотал садовод, но так, чтобы соседка не слышала.

«Сколько дней потеряно, их вернуть нельзя...» — с драматическим надрывом выводит певец. По дороге вдоль ограды проехал «Москвич» с багажником на крыше. Арнольд Георгиевич проводил его взглядом. Приподняла голову и соседка. Снова поскрипывал черенок, падали комья земли.

— Вы так увлеченно трудитесь, Арнольд Георгиевич, — заметила Анна Филипповна, — мне аж неловко. Хоть самой за лопату берись. Но не могу: не мое. Дачные работы — прерогатива Жорика, в этом вы с ним схожи. Можно подумать, вам зарплаты не хватает купить на зиму овощи.

— Вы не правы, Анна Филипповна, — сосед охотно поддерживал беседу. — Вы давно посещали овощной магазин? Зрелище, уверяю вас, тягостное. Покупать на рынке — накладно. На венгерском «Глобусе» и болгарском кетчупе далеко не уедешь: их еще найти надо и очередь отстоять. Государство дает нам уникальную возможность бесплатно вырастить урожай — знатный, вкусный, без всяких вредных примесей. Наши дачи — те же загородные виллы в миниатюре. Хотите — живите на них все лето, дышите свежим воздухом; не нравится работать на гряд-

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

ках — отдыхайте, жарьте шашлыки, разводите цветочки. Разве это возможно в другой стране?

— А разве нет? — Соседка приоткрыла один глаз.

— Представьте себе. Уж я-то знаю. Хороший знакомый вернулся с симпозиума в Западной Германии. В капиталистическом мире, вы удивитесь, тоже существуют дачи — впрочем, они используют другие слова. Маленькие участки, 3—4 сотки, на них стоят крохотные фанерные домики. Приезжайте, ради бога, отдыхайте от городской суеты. Но, первое: по их бездушным законам в этих домиках нельзя ночевать. Утром приехал, вечером — покинь территорию. Остался на ночь — плати штраф. И второе: на их участках запрещается выращивать сельхоз-продукцию. Любую, даже укроп. Считается, что этим вы ущемляете права фермеров.

— Дикость какая, — удивилась соседка, — просто фашизм. Ладно, уговорили, полежу еще немного и пойду искать лопату, если Жорик не запер весь инструментарий в гараже.

— Ступайте, голубушка, — пробормотал садовод, — труд облагораживает...

По-прежнему выла заезженная пластинка: «И опять меня обступала мгла, где же ты была...» Ее поставили повторно: песня нравилась населению.

Из далекого переулка выехала машина, черная «Волга». Она ползла по дороге вдоль ограды. Шуршал гравий под колесами. Двигатель рабо-

тал подозрительно тихо — редкость для отечественного автомобиля.

Беспокойство усилилось. Арнольд Георгиевич выдернул из земли лопату, очистил ботинком грань штыка — и снова воткнул. Черная машина была уже близко.

Насторожилась и Анна Филипповна, вытянула шею. Облегченно вздохнула, когда «Волга» проследовала мимо ее калитки. А вот у следующей остановилась.

Арнольд Георгиевич почувствовал слабость в ногах. Из машины вышли трое в штатском, но с такими лицами, что документы можно не спрашивать.

«Сколько дней потеряно, их вернуть нельзя...» Пластинку заело, голос то и дело срывался: «Вернуть нельзя... вернуть нельзя...»

— Добрый день, — вежливо поздоровался мужчина в опрятной куртке. — Толмачев Арнольд Георгиевич?

— Да, а в чем дело? — голос просел, во рту моментально появилась сухость. Дачник перехватил удивленный взгляд соседки. Анна Филипповна неловко выбиралась из шезлонга, видимо, вспомнила про дела.

— Мы войдем? Не возражаете? — Скрипнула калитка, чужаки по одному прошли на участок. Их лица были безучастны, только тот, что шел первым, механически улыбался.

— Да, конечно, — пробормотал хозяин, — мы всегда гостям рады...

Сердце упало, онемение расплзлось по членам. Он действовал нелогично, но иначе не мог. Оставил в покое лопату, попятился на цыпочках, ступил на дорожку между грядками. Ноги понесли к дому, работало боковое зрение. Гости обходили беседку, пока не ускорялись. Он вбежал на крыльцо, споткнулся.

— Куда же вы, Арнольд Георгиевич? — прозвучало в спину.

Все это было глупо, но он уже не контролировал себя. Вбежал в дом, повернул собачку замка и прислонился к стене. Липкий страх расплзался по коже, невидимая удавка сдавила горло. Случилось страшное, и выдержка отказала. По-разному представлял он этот день, во всех ракурсах, не спал ночами, пугая жену. Что делать? Он обливался потом, задышался от животного страха.

— Арнольд Георгиевич, ну что вы как маленький? — прозвучало с улицы, — Даже неловко за вас. Вы же умный человек, все понимаете.

«Может, ошибка? — мелькнуло в голове. — Перепутали адрес, не туда зашли. Почтеннейшая Анна Филипповна тоже не овечка, и к ней должны накопиться вопросы. Нет, обращались по имени-отчеству, это не ошибка...»

Ведь чувствовал же последние дни: что-то не так — спина чесалась, голова трещала как в тисках.

«Задняя дверь! — осенило. — Бежать! Переулок, овраг, американское посольство...»

Это было форменное безумие. Он миновал на онемевших ногах проходную комнату, выбрался в тесный коридор, заставленный тазами. Задней дверью пользовались редко. Под ногами что-то загремело, покатилося по полу. Звякнул проржавевший крючок. Он вывалился на улицу. Но и здесь его уже ждали.

— Может, хватит, Арнольд Георгиевич? — Субъект с идеальным пробором шагнул вперед, предотвращая отступление в дом. Он вывернул ему руку, Арнольд Георгиевич взвыл, ударившись лбом о косяк.

— Комитет государственной безопасности. Вы арестованы, гражданин Толмачев. Против вас возбуждено уголовное дело по статье 64, пункт «а». Вы же в курсе, о чем эта статья? Не надо сопротивляться, вы прекрасно знали, на что шли. Будьте мужчиной.

Но он не мог такое принять. Разум помутился, руки не ведали, что творили. Бедняга пытался вырваться, хрипел, бормотал, что ни в чем не виноват, что будет жаловаться в Совет министров!

Подошли еще двое, схватили за руки, за ноги, оторвали от земли. Его несли, как мешок с картошкой, при этом даже не шутили, хотя ситуация сложилась комичная. Щелкнул затвор фотоаппарата — велась съемка. За углом Толмачев опомнился, стал просить, чтобы его поставили на ноги, сам пойдет. Люди же смотрят!

Его поставили, взяли под руки. Люди действительно смотрели. Чуть не подавилась Анна

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

Филипповна, прикрыла дверь — оставив, впрочем, шелку. Озирались пешеходы с сумками, идущие с электрички.

Арестованного вывели за калитку. Он сам уселся на заднее сиденье. Двое втиснулись по бокам: подперли задержанного. Водитель занял свое место.

— Надо же, Девятого мая взяли упыря, — хмыкнул один из сидящих сзади, — в великий день.

— Символично, — согласился водитель и надал на педаль газа.

В помещении с голыми стенами было зябко, неуютно. Единственное окно закрывали плотные шторы. Растекался свет от настольной лампы.

Сидящий на стуле выглядел неважно. За прошедшие трое суток он сильно сдал, осунулся, кожа покрылась серой сыпью. В глазах застыла обреченность. Он сидел, опустив голову. Лицо собеседника пряталось в тени, освещались только руки, перелистывающие бумаги.

— Вы хорошо себя чувствуете, Арнольд Георгиевич? Есть жалобы, пожелания?

— Спасибо, все хорошо... — арестант разлепил слипшиеся губы. Он был одет в спортивный костюм с надписью «Динамо» — не новый, с протертыми коленями. — Впрочем, есть одно пожелание, если это уместно... — Он говорил не поднимая головы, смотрел из-под бровей, седе-

ющих вместе с волосами. — Я три дня нахожусь в одиночной камере, там сыро, темно, я давно не видел солнечного света...

— Вы обвиняете в этом следственные органы? — с иронией отозвался сотрудник ведомства. — Таков порядок, гражданин Толмачев. Зато у вас есть масса времени, чтобы все обдумать и сделать выводы. Хорошо, вечером вас выведут на прогулку, — смилостивился следователь, — если вас не смущает постоянно моросящий дождь. Сказать по правде, мы тоже три дня не видели солнечного света.

— Спасибо... Почему меня опять допрашивают? Я же все сказал...

— Не все, гражданин Толмачев. Это были предварительные беседы, их проводили сотрудники смежного отдела. Нас интересует другое. Но для начала пройдемся по общим темам, не возражаете?

На столе, в углу, шелестела магнитная лента: допрос записывался. Стены в помещении имели не только уши, но и глаза — арестант их чувствовал, от этого немела кожа на затылке. Собеседник молчал, с интересом вглядывался в серое лицо предателя.

Тот воспользовался паузой:

— Как вам удалось меня найти? Я всегда проявлял осторожность...

— Мы знаем. Из вашего учреждения несколько лет происходили утечки, но их связывали с другими именами. Мы были удивлены, узнав,

что агент Самсон — это вы. Ваше имя назвал перебежавший в СССР агент ЦРУ. Помимо вашего имени, он сообщил другие интересные сведения. Но давайте по порядку. Имя перебежчика оставим в секрете. Удивлены? Бегут не только от нас, но и к нам — в этом нет ничего удивительного. Удовлетворили свое любопытство? Итак, вам 54 года, родились в Казахской ССР... тогда еще АССР. На войну не попали, она закончилась за год до вашего совершеннолетия. Повезло вам, Арнольд Георгиевич. Поступили в Харьковский политехнический институт, по окончании учебы получили распределение в НИИ радиостроения при тогдашнем Министерстве радиопромышленности, где и работали до последнего времени. Женились, есть сын. Отец вашей супруги был репрессирован в 1937 году как враг народа. Он скончался в лагере от болезни, не дожив до 54-х. Не это ли послужило мотивом к предательству? Вопрос академический. Вы проживаете в высотном доме на Кудринской площади — неплохо. Два шага до американского посольства — удобно, далеко ходить не надо... Вы ведущий инженер Института радиостроения, структурного подразделения НИИ приборостроения; крупный специалист в области радиолокации и авиации. Имеете неплохую зарплату — 350 рублей. В каком году, позвольте уточнить, произошло ваше грехопадение? Вижу, не отвечайте: в 1976-м, пять лет назад. Согласно вашим показаниям, вы долго пытались устано-